

На следующий день, после того как Се Сюнь закончил завтрак и привел себя в порядок, в восточном крыле по-прежнему не было никакого движения.

Он вздохнул с чувством «Я знал, что так будет».

Он подошел к двери восточного крыла, но во дворе не было ни одной служанки, все они находились в комнате, занимаясь неизвестно чем.

Се Сюнь подошел к двери и хотел переступить порог, но замешкался и сначала постучал по дверной раме.

- Се Боюань? - голос Цзян Шуяо донесся изнутри.

- Это я, - ответил Се Сюнь.

- Входите! - в ее голосе прозвучал оттенок удивления.

Зайдя внутрь, Се Сюнь увидел на столе груды изысканно расшитых поясов, дюжину пар изящно вышитой обуви у ширмы, а затем, обойдя ширму, увидел кресло, заваленное нарядной одеждой.

Его брови дернулись.

Пройдя дальше, он увидел Цзян Шуяо, сидящую за туалетным столиком. Служанки вокруг нее затаили дыхание, и в комнате стало очень тихо.

Се Сюнь был озадачен и уже собирался заговорить, когда Цзян Шуяо внезапно развернулась, так что слова застряли у него в горле.

Из резного окна лился солнечный свет, и жемчужная заколка на ее черных волосах, уложенных в прическу, ярко блестела. Свисающие золотые кисточки отбрасывали на ее лицо тонкие колышущиеся блики и тени. Она нанесла легкий тон помады на свои тонкие губы, а также добавила тени в уголках глаз, что делало ее и без того живые глаза очаровательными и нежными. Казалось, что они наполнены родниковой водой, отчего ее взгляд просто сиял.

Се Сюнь на мгновение впал в транс, его глаза словно обожгло, поэтому он быстро отвел взгляд.

- Се Боюань, идите сюда, - ее тон был немного взволнованным, но это звучало так, будто она вела себя как избалованный ребенок.

Се Сюнь крепко сжал руки за спиной и пошел к ней, как ему было велено, только его взгляд не

осмеливался снова упасть на ее прекрасное, как лепесток гибискуса, лицо.

- Отражение в бронзовом зеркале нечеткое, не могли бы вы помочь мне наклеить Хуадянь*? - сказала она. - Я просила их помочь, но они не хотят этого делать.

(ПП: Хуадянь, также известный как хуази, макияж в виде цветков сливы, представляет собой форму традиционного китайского декоративного макияжа, который располагается между бровями, а иногда и на щеках)

Когда Се Сюнь услышал ее жалобы, он понял, почему служанки не хотели помогать. Возможно, они боялись, что их неуклюжая рука испортит ее красоту.

Он вздохнул, но не посмел отказаться и принял это задание.

Цзян Шуяо подняла голову, и когда она посмотрела вверх, уголки ее глаз приподнялись, а накрашенные глаза и брови приобрели более соблазнительный вид.

Руки Се Сюня задрожали, и он чуть не выронил тонкие лепестки из золотой потали.

Жаль, что чем больше он нервничал, тем более напряженным становилось его лицо. Он и так был холодноват, а когда он хмурился и поджимал губы, то выглядел еще более отстраненным и безразличным.

Когда Цзян Шуяо увидела это, она немного смутилась:

- Вы сердитесь?

Се Сюнь сказал: «Хм?» Его руки дрожали, и он был занят тем, что приклеивал цветы к ее лбу. Рука, которая могла ежедневно держать кисть и меч, почти не могла удержать светло-золотые лепестки цветка.

Цзян Шуяо послушно подняла лоб, и ее взгляд скользнул по его лицу. Когда он был сосредоточен, он выглядел холодным и немного свирепым, и она не осмелилась взглянуть более пристально.

- Я заставила вас ждать и надоедаю своими просьбами, извините, - тихо заговорила она.

Се Сюнь приложил золотую фольгу к ее лбу, и его голос звучал жестко:

- Нет.

Цзян Шуяо подумала про себя: «Как и ожидалось, он очень зол».

- И я оскорбила вас, прикоснувшись вчера. Мне очень жаль, - они постепенно становились ближе, так что Цзян Шуяо смотрела на него, как на избалованного брата-школьника по соседству. Она забыла о различии между мужчинами и женщинами и придвинулась к нему слишком близко.

К счастью, цветочный узор уже был наклеен, иначе дрожащие руки Се Сюня сделали бы это криво. На этот раз он не ответил, без слов передал оставшиеся лепестки служанке, отвернулся с холодным лицом и заложил руки за спину.

Изогнутые как ветви ивы брови Цзян Шуяо нахмурились и она сказала стоявшей рядом с ней горничной:

- Что нам делать, похоже, он очень зол.

Красавица нахмурилась, и даже служанки выглядели расстроенными и поспешили ее утешить.

□

Когда Се Пэй дошла до входа в зал, она увидела, что Цзян Шуяо еще не пришла, и пожаловалась:

- Почему она так медлит, она единственная, кто остался...

Не успела она закончить фразу, как увидела Цзян Шуяо, которая спешила к ней, придерживая юбку.

В глаза сразу же бросалось великолепное красное платье, похожее на огненный гибискус. Цзян Шуяо носила на голове заколку и шпильки, украшенные бисером. Это явно были вульгарные золотые украшения, но на ней они смотрелись совсем не вульгарно. Наоборот, весь образ выглядел богато и роскошно.

Тем не менее самой привлекательной частью ее облика было ее лицо, которое блестело, как весенний цветок, и мгновенно привлекало всеобщее внимание, а ее модная одежда и золотые заколки превратились в подходящий аккомпанемент.

Се Пэй вдруг вспомнила императорскую наложницу Линь Гуйфэй на зимнем банкете. У нее была прическа, похожая на облако, изящная и элегантная. Грациозная леди, сидящая рядом с императором, действительно заслуживала того, чтобы быть красавицей шести дворцов.

Сердце Се Пэй словно защемило. Она поспешно взглянула на своего третьего брата, но с

облегчением увидела, что он был так же холоден, как и всегда. Она сказала в своем сердце: «Третий брат - не тот, кого соблазнит красота».

Когда все отправились в особняк принцессы, Цзян Шуяо ехала с Се Пэй и госпожой Сюй в одной карете.

Когда госпожа Сюй увидела ее, она на мгновение остолбенела, а затем, не смущаясь, сделала ей несколько комплиментов, причем очень откровенных.

От этих комплиментов уши Се Пэй зачесались, и ее взгляд снова скользнул по лицу Цзян Шуяо. Когда она увидела, что та слегка подняла глаза и готова посмотреть на нее, ее сердце дрогнуло, и она быстро отвела взгляд.

Она сжала ткань под собой, смяв атласное сиденье. Что происходит?

Се Пэй стиснула зубы и подумала: «Раньше она была такой вульгарной и грубой, но за короткое время она стала такой богатой и очаровательной».

Она вспомнила, как одевалась Цзян Шуяо раньше, и сравнила с сегодняшним днем, но была немного сбита с толку: если бы она так одевалась тогда, то разве не подвергалась бы насмешкам со стороны знатных дам?

Несмотря на то, что площадь перед резиденцией принцессы была широкой и просторной, она все равно была переполнена подъезжающими каретами. Солнце всходило, и люди были немного встревожены движением. Слуги уже давно поняли, какую карету обслуживать в первую очередь, поэтому тем, кто ниже рангом, оставалось только терпеливо ждать.

Когда Линь Чэн выходил из кареты, он случайно увидел Се Сюня, который только что вышел из экипажа неподалеку. Он прошел через толпу и подошел поприветствовать Се Сюня.

В последний раз, когда он зашел к нему домой поесть, Линь Чэн вернулся и попросил повара попробовать сварить вермишелевый суп с утиной кровью. Он не знал, сколько уток пришлось убить, чтобы получить кровь, но это вызвало большой переполох, из-за чего он даже получил выговор от своего отца.

Он слышал обо всем плохом, что вытворяла старшая дочь семьи Сянъян, а также видел ее злобное лицо. Но сейчас из-за чашки супа с утиной кровью он был очень оптимистичен в отношении нее. Он хотел, чтобы она и Се Сюнь забыли все обиды, и любили друг друга до конца своих дней.

Когда кучер подошел к передней части кареты, чтобы выразить свое почтение, служанка подняла занавеску. Услышав легкий перезвон бусин на заколке, Линь Чэн подсознательно повернул голову, чтобы посмотреть.

Он смотрел прямо на Цзян Шуяо, и его сердце пропустило удар. Красота ее лица была подобна цветку, и гибискус не был так прекрасен, как макияж красавицы.

Он в панике опустил глаза и спросил Се Сюня робким, нервным шепотом:

- Бо Юань, твоя младшая сестра так выросла, ее красота может разрушить города.

Се Сюнь бросил на него косой взгляд и холодно сказал:

- Это моя жена, Цзян Шуяо.

Линь Чэн глубоко вздохнул и чуть не поперхнулся. В голове у него был сумбур, и ему потребовалось много времени, чтобы четко осмыслить слова Се Сюня.

- Как это возможно?!

Та же фраза прозвучала и с другой стороны.

Старшая мисс Ли потянула за рукав вторую мисс Сун и с недоверием посмотрела на Цзян Шуяо.

- Невозможно! - сказала она. - Как она могла так измениться за короткий промежуток времени? Очевидно, что когда-то она была не такой красивой, как... - вот почему она день и ночь проклинала Цзян Шуяо, как могла такая уродливая женщина без таланта заполучить такую звезду, как Се Сюнь?

- Из того, что я вижу, у нее та же внешность, что и раньше. Она только переделалась, накрасилась и отрастила брови. Это нормально - выглядеть как другой человек.

- Ха, это просто правильный макияж с платьем и заколкой для волос, - сказала мисс Ли. Все молчали, хотя в глубине души они знали, что причина не в этом, но все равно пытались лгать себе.

Увидев приближающуюся Се Пэй, они окружили ее, бормоча плохие слова в адрес Цзян Шуяо. В конце концов, когда Цзян Шуяо собиралась выйти замуж, Се Пэй с кровной ненавистью проклинала эту бесстыдную женщину с плохой репутацией.

Выражение лица Се Пэй было плохим, и все были счастливы.

- А-Пэй, почему ты такая бледная?

- Это из-за Цзян Шуяо, верно?

- Да, мне невыносимо видеть ее претенциозность, и перед кем она красуется со своей заколкой из бисера? Это же банкет, а не смотрины, - это обвинение звучало немного грубо, но никто не опроверг его.

Се Пэй подняла глаза и посмотрела на собеседницу. Та решила, что правильно угадала, что на уме у Се Пэй, и поспешно добавила:

- Даже если она так одевается, ее можно назвать только вульгарной, как она может быть достойна такого джентльмена, как твой брат?

Благородная девушка рядом с ней прошептала в ответ:

- Да, да.

Лицо Се Пэй было нехорошим, а тон ее голоса был еще хуже:

- Она недостойна...

Лица всех засветились от радости. Се Пэй была родной сестрой Се Сюня. Если уж она так ругала Цзян Шуяо, то и сам мастер Се, должно быть, плохо обращался со своей женой.

Как только они подумали об этом, они услышали, как Се Пэй продолжает говорить:

- Но достойны ли вы этого?

Все замерли, не в силах поверить в услышанное.

Се Пэй обвела взглядом лица этих людей и обратилась к той, кто только что выразила согласие:

- Или ты достойна?

Снова повернув голову, она обратилась к другому человеку:

- Или, может быть, ты?

Лицо этой женщины не шло ни в какое сравнение даже с ненакрашенной версией Цзян Шуяо.

Неважно, были ли они поражены ее словами или сравнением с Цзян Шуяо, все они разом посинели, а их лица горели, как будто им дали пощечину. Взгляд Се Пэй лишь слегка скользнул по их лицам, но для них он был подобен дневному свету, освещающему всю мрачную ревность в их сердцах.

Се Пэй настолько привыкла вести себя дерзко, что ее не волновали их лица.

- Забудьте, я думаю, что Цзян Шуяо единственная в столице, кто достаточно хорош для моего брата.

Наконец кто-то не удержался:

- Се Пэй! Что ты имеешь в виду? Кому в столице есть дело до нее? Мы просто сказали несколько слов, но тебе так необходимо оскорблять нас?

- Несколько слов? - Се Пэй проигнорировала их гнев. - Меня не волнует, что вы говорите при других, я не могу это контролировать. Но не говорите этого при мне. Почему я должна терпеть, как нашу семью Се обсуждают другие?

Она оттолкнула плечом стоящую на ее пути даму и ушла с недовольным лицом.

После ее ухода толпа, которая до этого была слишком рассержена, чтобы высказаться, наконец, осмелилась открыть рот.

- Что в этом такого замечательного? Кому ты показываешь свое недовольное лицо?

- Она просто полагается на силу гуна Се... Хех, неужели она осмелится сделать это перед дочерью премьер-министра?

Словно увидев надежду, все стали соглашаться:

- Да, только самая талантливая девушка столицы достойна третьего мастера Се, верно?

- Кроме того, мисс Гэ такая умная, а ее красота подобна льду и снегу. А Цзян Шуяо - пустоголовая, она даже не достойна того, чтобы подавать ей обувь.

Когда карета проезжала мимо, мисс Гэ Циншу, о которой они говорили, подняла занавеску, черты ее лица были ясны и прекрасны, а белая одежда делала ее похожей на бессмертную фею.

Даже тон ее голоса был легким:

- Нин Дун, как ты думаешь, то, что они сказали, правда?

Нин Дун опустила голову и почтительно ответила:

- Естественно.

*Хуадянь

<http://tl.rulate.ru/book/43899/1781002>